

Рудольф Штейнер

Непредвзятый взгляд на современность

Ein freier Blick in die Gegenwart

*Статья в журнале
«Deutsche Lesehalle für alle Stände»,
ноябрь 1884*

Фрагмент из GA 30

«Методические основы антропософии.
Собрание статей по философии, естествознанию,
эстетике и психологии»

Перевод Алексея Жилова

Б Д Н

Библиотека
духовной
науки

2019

bdn-steiner.ru

Непредвзятый взгляд на современность

1884 год

В начале XIX столетия в немецком народе возникло могучее духовное стремление, и сила человеческого мышления пыталась проникнуть в глубочайшие тайны мироздания. Возникла оригинальная наука, которая эмансипировалась от всякой практической деятельности и, паря в высших сферах идеализма, желала удовлетворять только потребности духа. То была глубинная, исполненная нравственного совершенства движущая сила, одушевлявшая это стремление.

Если обратить взор на немецкую поэзию того времени, то мы должны сказать, что она также наполнена тем волшебным соком, который питает немецких мыслителей в стремлении к глубочайшему соединению с мировым духом. Научное исследование, равно как и художественное творчество, оба имели в этом отношении религиозные черты, поскольку они выполняли первое основополагающее условие религии — возвышение человека над повседневным и обыденным, вознесение его в высшую, чисто духовную область.

Это был разрыв со старыми традициями, но это был разрыв *иного* рода, чем происшедшая практически одновременно Французская революция. Немцы поднялись против традиционного, против отживших форм религии, искусства и науки, потому что в их недрах раскрылся новый мир, потому что подлинное, внутренняя правда, потеснило внешнюю видимость. У французов же не было ничего, кроме мудрствующего рассудка и пустоты просветителей, которых не удовлетворяло старое, и именно поэтому либерализм французов так быстро перешел в легкомыслие.

Эта культурная высота, на которой однажды находились немцы, кажется нам сегодня не более чем прошлым; мы, последователи, с тоской оглядываемся на то лучшее время; нам кажется, что не осталось почти ничего, кроме утешительной задачи быть могильщиками и воздвигать памятники тем великим духам, которые породили эту могучую эпоху.

Что делаем мы такого, что может хотя бы отдалённо сравниться с этими достижениями? Изначальная сила кажется давно исчезнувшей, и всё наше искусство заключается лишь в том, чтобы составлять биографии наших великих предков и писать комментарии к их произведениям. Где та немецкая сила, которая когда-то породила Лессинга, Шиллера, Гёте, Фихте, Шеллинга, Гегеля, Жан Поля?

Может показаться, что могучий германский великан спит посреди Европы. Но при более пристальном взглядывании мрачная картина всё же уступает место более отрадной, и мы обретаем убеждение, что и в настоящем мы не должны отчаиваться, но во многих отношениях можем даже радоваться.

Когда мы смотрим на духовную жизнь Европы, то видим её подобной системе нитей, которые многократно переплетались. Но за какой бы из этих нитей мы не проследили, мы *и сегодня* приходим к Германии как к точке пересечения, в которой всё сходится. Научная, художественная и экономико-социальная жизнь Европы представляют собой взаимосвязь сил, которые все имеют своим центром Германию.

Если мы хотим доказать истинность этого предположения, то нам нужно лишь придерживаться двух феноменов: один господствует в научном, другой — в экономико-социальном стремлении современности.

Под первым пунктом мы имеем в виду дарвинизм — учение, говорящее о том, что все ныне живущие формы животных являются лишь производными той или иной единой основной формы, которая совершенствовалась в течение очень долгих времён, и что человек является лишь самой совершенной, самой развитой формой животного, что его предков нельзя искать нигде, кроме как там, где можно найти предков и других млекопитающих. Это учение имеет английское происхождение. Однако то, каким оно возникло из головы англичанина

Дарвина в середине нашего столетия, представляло собой размытое, неясное в самом себе представление; не были учтены ни нравственные последствия, ни проведена необходимая всесторонняя научная разработка. В отношении центральной части было множество наблюдений, опытов и несомненных истин, но начало и конец были полностью окутаны туманом.

Тогда, в начале шестидесятых немецкие ученые утвердились в этом воззрении. Как молния врезалась немецкая глубокомысленность, немецкая основательность и глубокая нравственная серьёзность в спутанную сеть. Всё было продумано и исполнено до последних своих выводов с применением всей силы духа, и вскоре при участии немецких исследователей было возведено научное здание, обоснованное и укрепленное во всех своих частях. То, на что намекал англичанин Дарвин, немец Геккель завершил чудесным, монументальным образом. То, что создал последний, является совершенным построением ума, исполненным во всех деталях с достойной восхищения проницательностью. В Англии нашли таинственный документ природы, но над ним была плотная завеса, — пришёл немец и сорвал эту завесу, и только теперь мир узнал, что написано на таинственном свитке. Но только на этом дело не остановилось. Нравственная высота (Hochsinn) немцев должна была также учитывать необходимые последствия нового учения в отношении морали и общественной жизни. Существуют многочисленные сочинения немецких исследователей, с большим или меньшим успехом стремящихся показать либо гармонию дарвинизма с чистой моралью, либо угрозу последней со стороны первого. Вспоминали при этом и апогей немецкой культуры, и немецкий идеализм и величайшего его представителя — Гёте. Возникла необходимость привести идеи этого великого гения в согласие с новым учением. Не следует упускать из виду, что немец настолько проникнут тем идеальным миром, что ему неприятна любая дисгармония новых воззрений с этим миром. Стремление немецких ученых привести результаты современного мировоззрения в согласие с гетеанизмом — это реакция немецкой совести на модное научное направление, воля немцев к тому, чтобы только *идеалы* могли входить в жизнь, наконец, вера в то, что идеализм должен быть *истинным*.

Специфически немецкое явление состоит в том, что пессимизм в его самой глубоко проявленной форме является последствием дарвинизма. Немалое число искренних, вполне добрых и высокоодаренных душ новое учение доводит до отчаяния в мире и в жизни. Нужно обладать глубокой натурой, как у немца, нужно быть таким же далеким от всякого безрассудства и легкомыслия, как он, нужно *обладать* стремлением к *божественному*, и тогда при вдумчивом размышлении о ничтожестве человека и всего рода человеческого — как оно следует, если допустить дарвинизм в его полном объеме, — нелегко избежать пессимизма. Это вызывает целый ряд мыслей, которые, вероятно, будут продолжать жить ещё долго, однако, как мы уже видели: самая могущественная сила, которая движет сегодня научный мир, указывает на Германию. Запад поднял проблему, Германия старается её решить. И если *однажды* должно прийти спасение из пучины чудовищной односторонности современного воззрения на мир, то это спасение может прийти только из Германии. Это будет сила немецкого духа, которая покажет, что в дарвинизме является правдивым, и которая в то же время покажет, как в определённом отношении он применяется внутренне неправдиво, плоско и поверхностно; она *преодолеет* его тем, что *ограничит* сферу его влияния, тем, что он будет действительно *понят*.

Второе явление, на которое мы хотим указать, — это стремление европейских народов найти ту форму государства, при которой смогут обрести наивысшую значимость нравственное достоинство и свобода каждого отдельного гражданина. Опять же, то был Запад — Франция и Англия, — где это стремление впервые заявило о себе. На место произвола должна вступить разумная необходимость (Vernunftnotwendigkeit), на место привилегированности (Vorrecht) — равноправие, на место несвободы — свобода. Но, пожалуй, не будет слишком дерзким утверждать, что первые по-настоящему жизнеспособные зачатки — на место государства, в котором царят случайность и субъективный произвол, поставить такое, в котором *разум* (Vernunft) осуществляет высшее правление, — зарождаются сейчас в Германии. Государство должно заботиться о том, чтобы счастье отдельного человека зависело не от случай-

ности или произвола, но чтобы построенное на принципах разума целое обеспечивало благополучие индивидуума настолько, чтобы он мог свободно развиваться в физическом и духовном направлениях. Не государство может сделать людей свободными, это может только воспитание; но государство должно позаботиться о том, чтобы каждый обрёл почву, на которой может расцвести его свобода. То, что для развития в этом отношении в связи с вопросом престола, некогда занимаемого Фридрихом Великим¹, сегодня дано решение, что в Германии руководство государством возложено на человека, глубоко проникнутого этой миссией, когда-то станет одним из величайших политических фактов истории.

И ещё одно: есть немцы, которые не были призваны участвовать в той великой работе, которую немецкий народ совершает сегодня в социальном отношении. Речь ведь о большом количестве таких немцев. Но мы не хотим обозначить как несчастье этот факт. Потому что, быть может, сегодня именно *этим* немцам выпадает не самая маленькая часть общей культурной работы нашего народа. Мы с неподдельным смирением принимаем сегодняшнее положение и утверждаем то обстоятельство, что в высшей степени желательно, чтобы так оно и было. Нельзя забывать, что сегодня через великие экономические проблемы современности идеальное воодушевление для высших *духовных* вопросов утеряно немецким народом в империи; нельзя упускать из внимания, что даже немецкая молодежь, когда-то надёжная хранительница немецкого идеализма, через социально-реформаторские мысли забыла об этих вопросах, и мы поймем, что немецкая сущность в её прекраснейшем проявлении нуждается в пристанище как раз у таких немцев, которые живут за пределами немецкого отечества.

Вместе с этим открывается прекрасная перспектива для таких немецких народов (*Volksstämme*). Мы знаем народ, который с давних пор придерживался этого принципа, который поэтому равноценен всем другим немецким народам — во многом будучи впереди в культуре и образовании: саксы в Трансильвании²! Пусть этот журнал³ поспособствует тому, чтобы эта культура и образование непрерывно развивались, пусть ему посчастливится в обозначенном смысле говорить с немецким народом в ненемецкой стране.

¹ Фридрих II (Фридрих Великий, 1712–1786) — король Пруссии с 1740 года, основоположник прусско-германской государственности. — *Прим. пер.*

² Трансильвания (Siebenbürgen) — историческая область, после Первой мировой войны вошедшая в состав Румынии. Здесь в Германштадте 29 декабря 1889 года Рудольф Штейнер прочёл две лекции, являющиеся одними из первых его ныне известных. Первая лекция читалась для небольшого круга слушателей. Вторая называлась «Женщина в свете мировоззрения Гёте. Выступление на тему женского вопроса». Германштадт (Hermannstadt, прежнее название современного Сибиу) являлся центром трансильванских саксов вплоть до Второй мировой войны. — *Прим. пер.*

³ Журнал «Deutsche Lesehalle für alle Stände» (Hermannstadt, Carlsburg). Издавался при участии знаменитых писателей и журналистов Морицем Циттером (Moriz Zitter, ответственный редактор). Печать и издательство Ф. Фольца, Карлсбург. — *Прим. пер.*